

ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ СВЕРХФРАЗОВЫХ ЕДИНИЦ

ГАНИРА М.БЕКЗАДЕ

Бакинский Государственный Университет

«Первая особенность развития языка касается характера его взаимодействия со средой. Как любая другая сложно-динамическая система, язык не просто формируется средой, но вступает с ней в многосторонние отношения. Язык не отражает пассивно всех воздействий окружающей среды, но относится к ним избирательно. Это согласуется с тем обстоятельством, что язык и не может, не теряя своей качественной специфики, непосредственно реагировать на абсолютно все изменения в том фрагменте среды, в котором он существует. (1. 1989, 23).

Мы согласны и с мыслью о том, что выделением сверхфразовой единицы из текста преследуется отделение ее, как единицы текста от самого текста. Кстати большая часть лингвистов считает сложное синтаксическое целое эквивалентом текста отделяя тем самым эту единицу от СФЕ. На наш взгляд мысль об эквивалентности сложного синтаксического целого СФЕ и сверхфразовой единицы не передает содержания термина "сложное целое" и представляется нам на аналогичной. По мнению Новикова, «... в первом случае эта грамматика понимается практически в буквальном значении этого выражения, во втором – этот термин носит скорее условный характер. Это различие выражается в подходе к выделению основных структурных единиц текста. Как в первом, так и во втором случае основной такой единицей является некоторый отрезок текста, включающий в себя последовательность связанных между собой предложений. Обычно такая единица называется сверхфразовым единством (СФЕ), сложным синтаксическим целым (ССЦ) и т. п.» (2.1982, 120).

Ф.Г.Фридман словно пытается логически уточнить эту мысль: СФЕ – «... качественно особая целостная единица, обладающая своими специфическими делимитационными, структурными и смысловыми признаками» (3. 1985,45). Если мы познакомимся еще со следующим, являющимся обратной стороной вышеприведенной мысли, высказыванием: «... предложения в тексте не просто пространственно расположены, они связаны друг с другом только по смыслу. В тексте имеются формальные ограничения на сочетаемость предложений. При этом грамматическое оформление элементов структуры предложения детерминируется позицией» (4. 1981, 85) – то станет ясно, что не стоит говорить о характеристике любой конкретной единицы в таком аспекте, ибо при определении какой бы то ни было языковой модели как абсолютной конкретной единицы, обязательно нужно проводить не поверхностное, а фундаментальное, всестороннее исследование и лишь после этого давать аргументированное обоснование.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что до сих пор попытки определения и характеристики СФЕ носили только и только поверхностный

характер и, хотя из поля зрения языковедов и не ускользнул факт наличия предложений, отличающихся в тексте своей интонационно - семантической позицией, однако всестороннее изучение синтаксиса текста не становилось предметом фундаментального, структурального исследования, что и привело, в результате, к поверхностным оценкам.

Что же касается не конкретности, абстрактности СФЕ, то А.М.Пешковский с большой дальновидностью почувствовал эту особенность данной единицы: «Среди предложений, определяемых лишь интонацией, т.е. предложений, не входящих в сложное целое, не встречаются ни предложения, ни сложные предложения».

Таким образом, автор указывал, что эта единица не является «грамматической фразой», намекает на ее абстрактность. Правда, он говорит не конкретно о СФЕ, а о «фразе», однако его наблюдения крайне уместны. Особенно интересно его инициатива отделения СФЕ от сложного целого и, пусть и приблизительное, определение ее особенностей:

1. Фраза возможна или в предложении, или в комплексе предложений.
2. Предложения зачастую бывают во фразе (простые, сложные и части)
3. Комплекс предложений бывает всегда фразой (со сложным целым).
4. Частичная фраза всегда находится в рамках сложного целого (Там же).

Пользуясь выдвиганием этих специфических особенностей, автор словно старается обосновать «непостоянность», «переменчивость» фразы. Ясно, что здесь и не стоит говорить об оправданности нашего аспекта исследования, однако факт остается фактом и в целом мы согласны с этим высказыванием, которое в определенной мере служит для нас зафиксированной конкретной основой. В этом смысле определенный интерес для нас представляет и следующее высказывание: «Рассмотрение сверхфразового единства как лингвистической единицы дает возможность соединить и описать языковые и речевые признаки этого явления по следующим уровням абстракции:

◆ Нулевой уровень – сверхфразовое единство по отношению к речи максимальная коммуникативная единица, /временный отрезок живой языковой ткани/, конкретное синтаксическое объединение предложений, имеющее определенный смысл структурной целостности.

◆ I уровень – сверхфразовое единство по отношению к языку, характеризующееся определенными языковыми способами создания структурной целостности.

◆ II уровень - сверхфразовое единство по отношению к науке о языке, характеризующееся определенными вероятностными характеристиками (соотношение предложений по длине, по количеству).

◆ Понимание сверхфразового единства как лингвистической единицы позволяет принимать многочисленные, часто противоречивые (по отношению к высшему уровню абстракции) определения» (6. 1989, 24).

Однако, мысль эта, будучи крайне интересной, в то же время несколько относительна. И для того, чтобы понять, в чем ее относительность, необходимо уяснить, что подразумевается под абстрактностью, и, что «конкретного» есть в этой относительности? Сразу оговоримся, что на протяжении всего исследова-

ния мы не забывали про эти вопросы и старались дать на них веские, аргументированные ответы.

Прежде всего, заметим, что нельзя однозначно принимать высказывания по этому вопросу. Возьмем, к примеру, следующую мысль: «На любой ступени абстракции меняется только аспект изучения коммуникативной единицы: на высшей ступени абстракции выделяется ее структурная сторона, при обращении к ее речевым манифестациям функциональной стороны. Причем, кажется, нет иного пути к абстракции, как через речевые манифестации» (7.1982,216). Выделение здесь «структурной стороны» является в абстракции второстепенным или даже третьестепенным вопросом, так что при разговоре о какой-то абстракции, это и в голову не приходит, ибо не представляет особой значимости. Однако, говоря «о превращении ее к речевым манифестациям выделяется ее функциональная сторона», - автор в определенной степени прав, ибо, несмотря на некоторую односторонность, он старается проявить правильное отношение к вопросу.

Весьма логичной представляется нам и следующая мысль: очень важно «... было сделанное на уровне абстрактного мышления открытие разрывности там, где она меньше всего ожидалась, а именно, в процессе обмена энергией между элементарными материальными системами (атомами и молекулами) с одной стороны, и световым, и тепловым излучением – с другой» (8. 1984, 91). Точное и меткое выражение автора относительно «сделанного на уровне абстрактного мышления открытия разрывности там, где она меньше всего ожидалась», несмотря на свою кажущуюся простоту и примитивность, создает благоприятную почву для степени абстрагирования, превращается в неожиданного исполнителя акта.

Не менее интересной и важной представляется нам и следующая мысль: «Как биодинамическая, так и чувственная ткань, составляющие "материю" движения и образа, обладает свойствами реактивности, чувствительности, пластичности, управляемости. Из их описания ясно, что они теснейшим образом связаны со значением и смыслом» (9. 1991, 2). Выделяя такие параметры, как «реактивность», «чувствительность», «пластичность», автор пытается, при чем небезуспешно, охарактеризовать абстрактность как понятие. Выходит, что для получения совершенных сведений об этом понятии, желательно собрать воедино все, без исключения, мысли. Ибо в каждом тезисе определяется какая – то одна особенность и без их суммы трудно сделать объективное заключение и дать полную, верную оценку. Таков наш окончательный выбор.

Прежде всего, напомним, что измерение расстояния между конкретностью и абстрактностью как в языкознании, в логике, психологии, так и в любой соответствующей отрасли естественных наук не очень-то точно и ясно. В языкознании же абстрактность воспринимается отнюдь не как нижний ярус, предпочтение отдается тому, что используя этот термин, необходимо сослаться на что-то. При подобном подходе, обычно принималось во внимание «степень абстрактности» при определении различий между вариантностью – инвариантностью, синонимией – асинонимией и другими подобными вопросами. При этом не чувствовалась необходимости и даже не вспоминалась сущность самого термина. Ибо, «когда языковый знак как компонент языка ставится строительным материалом, формирующим художественный текст как вторичную моделирующую

систему, на его особенности накладываются новые свойства. Эти свойства порождены природой художественного текста, который моделирует и частный, и общий объект, в котором сочетаются типическое и индивидуальное... Их референтом является вымышленный мир, в котором сочетаются черты общего и частного, абстрактного и конкретного» (10. 1979, 49). Если посмотреть на этот вопрос в другом ракурсе, то выяснится, что при абстракции на высоком уровне различие в манифестации обращения к речи в структурной области означает переход в область функциональную. Хотя у автора и нет намерения идти в глубь вопроса, она в определенной мере права, отличая «структурную область» в абстракции от «функциональной отрасли», во всяком случае на лицо факт правильного отношения (несмотря на одностороннее мышление). Логически это трактовка совпадает с математическим толкованием: «Процесс абстрагирования характерен для рассудочного мышления, который схватывает отдельные стороны объекта, полностью игнорируя другие, не замечая их» (11.1989, 37). Этой своей мыслью автор делает попытку сформировать правильное отношение. Мы же считаем необходимым обратиться к статье Гегеля «Кто мыслит абстрактно?». Как он отмечает: «Кто мыслит абстрактно – значит делает предметом интереса не весь объект в его целостной конкретности, но лишь какую – либо одну в данном отношении выделенную черту.» «В приличном обществе не мыслят абстрактно потому, что это слишком просто» (12. 1970, 391)

Горский, считающий идеализацию основным положением абстрактности, замечает : «Этим абстрактным объектам соответствуют определенные свойства и отношения материальных объектов, посредством абстракции мы их выделяем и при этом идеализируем» (13. 1962, 53). Бесспорно, в этом есть реальная логическая истина и мы не случайно задались целью ее выявить. Ясно, что для характеристики любой единицы первым делом необходимо уделить радиус ее употребления деятельности.

И наша в фундаментальном исследовании задача, наряду с оказанием помощи в решении актуальных проблем синтаксиса текста и вообще синтаксиса, состоит в том, чтобы «разрушить и заново создать» веками устоявшийся и «окаменевший стереотип», созданный в общем языкознании, ибо необходимость исследования каждого яруса на уровне организации «нижнего слоя» означает, в свою очередь, всестороннее изучение языковой проблемы. При чем при выявлении этой единицы, мы использовали методы сравнения и аналогии, что обеспечило, на наш взгляд, обоснованность и аргументированность научных результатов при выявлении сходных и отличительных черт этой единицы в сравнении с другими внутритекстовыми единицами. Нами были выявлены следующие особенности в сравнении СФЕ с «синтаксическим целым» и периодом:

СХОДНЫЕ ОСОБЕННОСТИ:

- а) периодическое замыкание;
- б) способность принять вид синтаксического целого;
- в) способность выступать в качестве компонента текста;
- г) обретение сходных (а зачастую одинаковых) смысловых видов;
- д) способность быть средством контаминации.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ:

- а) наличие абстрактной оболочки;

- б) подчеркнутая интонация;
- в) способность становиться семантическим ядром текста;
- г) способность обретать различные смысловые виды;
- д) формы индивидуального проявления и др.

СХОДНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В СРАВНЕНИИ С ТЕКСТОМ:

- а) информационная способность;
- б) обладание открытой - скрытой замкнутостью;
- в) оправдание себя в качестве всех других категорий, присущих к тексту (интеграция, континуум, проспекция, когезия, ретропекция и др.), связь друг с другом, как у сложных предложений;
- г) состоят из введения, основной информативной части и заключения;
- д) имеют сходные с текстом смысловые виды;
- е) являются участниками контаминации;
- ё) могут сохранять целостность, завершенность;
- ж) способны быть ступенчатой единицей, совместным членом;
- з) способны употребляться на месте и в виде единиц текста (синтаксического целого и периода) и, конечно же, способны выступить в оболочке конкретной единицы и т.д.

И, наконец, отличительные черты:

- а) наличие абстрактной оболочки (разветвленной позиции, подстрочного смысла и др.);
- б) наличие тональной позиции колеблющейся интонации;
- в) реальное различие в интонации, наличие обязательной дополнительной информации в тексте и сложном тексте;
- г) проявление I в качестве фонемы и других единиц, вплоть до сложного текста;
- е) наличие моделей индивидуального проявления;
- ё) особенности индивидуальных видов и др.

Конечно, нельзя забывать о том, что в появлении подобных различий конституция является ведущим фактором. Этот фактор вместе с позицией СФЕ может называться ее «нижней оболочкой». И для того, чтобы конкретно превратить эту единицу в ведущий фактор при определении языкового яруса, прежде всего, необходимо соответствие этой качественно новой единицы всем требованиям понятия «термин».

Таким образом, для того, чтобы утвердить непостоянство позиции СФЕ как термина, исходящую из ее внутренней семантики, и наглядно представить, как языковой ярус проявляется в этой единице, покажем положение языковой системы до проведенного нами исследования:

(фонема – Ф, морфема – М, лексема – Л, синтагма – С, предложение – П, текст – Т).

Кроме того, единица в первом ярусе системы, не имеющая смысла, далее - самая маленькая языковая единица, имеющая смысл.

А теперь, следуя этой последовательности, представим новый порядок следования языковых единиц вместе со СФЕ, являющейся ядром предлагаемой нами качественно новой системы:

Фонема (в нижнем ярусе сверхфразовая единица (СФЕ)), лексема (в нижнем ярусе СФЕ), синтагма (в нижнем ярусе СФЕ), полипредикативное предложение (в нижнем ярусе СФЕ), сложное предложение (в нижнем ярусе СФЕ), период (в нижнем ярусе СФЕ), синтаксическое целое (в нижнем ярусе СФЕ), текст (в нижнем ярусе СФЕ), сверхфразовая единица (в нижнем ярусе СФЕ), сложный текст (в нижнем ярусе СФЕ).

И со всей категоричностью можем утверждать, что далее самая маленькая единица из единиц, представленных подобным образом (хотя бы фонема), обладает своеобразным смыслом и значением. Для доказательства этого тезиса мы постарались привести в нашем исследовании достаточное количество фактов. Причем сквозь призму исследования при этом проводилась логическая мысль о том, что СФЕ является единицей, образующей не только текст, но и систему.

Таким образом, проявление СФЕ, как фактора образующей функции и нижнего слоя, наблюдается во всех языковых ярусах, начиная от фонемы и кончая сложным текстом.

Следовательно, обосновывая СФЕ как абстрактно – конкретную единицу, удалось, на наш взгляд, создать научную основу и на многочисленных фактах «очистить» эту единицу от хаотического положения в языковедческой литературе. Кроме того, выявление этого телепатема, как ординального коэффициента, может дать большой толчок для всестороннего изучения текста и составить ядро для исследования синтаксиса текста в совершенно новом качестве.

Как мы уже сказали, проявление СФЕ начинается с фонемы. Постараемся узнать как обычный звук (причем равный абстрактно – конкретной единице) может стоять над другими единицами, что может способствовать его абстрагированию? Для ответа на эти вопросы необходимо обратиться к конкретным фактам, которые помогут также выявить реальную почву, подготавливающую появление этой единицы, определить ее место и функцию, смысловой оттенок в тексте, влияние на другие тексты и, наоборот, и т.д. Таким образом, обратимся к фактам:

Ты тоже учитель

Арзу написала букву «О» криво. Я сказал: «Арзу, не пиши так. Пиши внимательно...»

Я написал для нее букву «О». Она удивленно спросила:

Разве ты тоже учитель?

Ну если ты не учитель, пиши помаленьку.

Нет, ты говоришь прямо как учитель.

Ну и что же?

Нет, учитель может быть один. И это – наш учитель.

(Наби Хазри)

Примечание: здесь и далее тексты даются в подстрочном переводе.

Прежде всего, отметим, что «в процессе речи мы используем сотни различных физиологических и акустических разговорных звуков» (Ахундова:1984,12), из которых мы выделим в данном случае чрезвычайность одного звука, звука «О» - «Арзу написала букву «О» криво...». Приведем еще одну букву «о» из текста и сделаем сравнение: «Нет, учитель может быть один. И это наш учитель (О да бизим муяллим)». Какое различие имеется между двумя этими одинаковыми буквами? Для ответа на этот вопрос необходимо принять во внимание условия образования и позицию обеих букве: первая "О" начинает текст, своим образованием текст обязан этой букве и в этом смысле она является семантическим ядром текста. Вторая "О" имеет продолжительную сигнализаторскую функцию, в противном случае мы не были бы свидетелями того, что все последующие компоненты говорят лишь об этом «О». Кроме того это «о» в рамках текста, являющегося другой формой проявления СФЕ, отличается особым ударением в прямой речи, выступлением в качестве ядра семантической нагрузки. Кстати, отметим и то, что выразительными средствами проявления СФЕ могут выступать не только единицы языка – речи, но и все экстралингвистические языковые модели.

В приведенном отрывке эта единица, обеспечивая абстрактность буквы "О" в проявлении косвенной речи, становится посредником между сказанным и увиденным, т.е. слыша ушами, мы словно видим глазами написание буквы. Выясняется и то, что именно эта сверхфразовая единица определяет начало текста "Ты тоже учитель", что вполне логично. Поэтому замыкание текста, как образец "первичного замыкания", происходит относительно заголовка "Ты тоже учитель". "И это наш учитель" ("О да бизим муяллим"). Причем «о» в последнем компоненте не только обладает вышеперечисленными особенностями, но и не имеет (и не может иметь) связи с другими компонентами, кроме ее левой границы, т.е. предшествующего ей предложения «Нет, учитель может быть один». Положение всех остальных "о" в составе текста сводится лишь к тому, что они являются выразителями внутрилексемной функции в тексте. Следовательно, выступление одной лишь буквы на уровне СФЕ обеспечивает ей чрезвычайность не только в сравнении с другими однородными буквами (в данном случае буквы "о"), вообще, но и в самом данном тексте, ибо без нее не было бы и текста и, если бы этот текст имел продолжение, она тоже продолжала бы возвышаться над всем текстом. Возникает вопрос: что могло послужить семантическим ядром текста, если бы нам не удалось выявить и выделить сверхфразовую единицу, отличающуюся разнообразием и многочисленностью форм проявления. Всестороннее исследование каждой из этих форм может стать темой отдельного труда.

Ясное дело, что уточнение в радиусе фокусирования слова обосновывает суксеивность телепатема и, вместе с тем, усиливает способность обретения им новых качеств. При этом нельзя забывать, в какой позиции, в каких условиях, под воздействием реального факта и в какой форме выбранное слово формирует процесс итерации в антисинационный момент. Важно знать, какова его активность в образовании модели, как выразителя речи – языка внутри текста. Мы не зря не расчисляем все это, ибо одним из выразительных средств проявления этого квантора, причем, отличающимся своим можариатным характером, является лексема. Уточняя нашу мысль, должны сказать, что вследствие способности

лексемы к гибкой деформации ее абстрактной оболочки, она может выступать в потоке речи в различных формах, "брат" на себя тяжесть семантической нагрузки и т. д. К тому же она до того красочна и многогранна, что привлечь ее к исследованию становится возможным только после своеобразного отбора и группировки. Разумеется, что изучение каждой из них, в свою очередь, преследует цель полного анализа в рамках текста без каких бы то ни было изменений:

«Радость мужчины, его шутки обрадовали старушку Аруз, польщенную тем, что сохраненный ею с прошлого года гуруд (кисло - молочные высушенные шарики), пришелся к месту. Сердце Аруз немного успокоилось из – за "асгол"а, и лишь беспокойство за инжир не проходило, так как она прекрасно знала, что значило для Зияд киши это дерево.

Зияд киши сел пить чай, но не протянул руку к еде, некоторое время молча поглядел на хлеб – чай, лежавшие перед ним, затем встал и накинул пиджак на плечи.

- Пойду взгляну на дерево и вернусь ! – сказал он. Этот "асгол" недаром вспомнился старушке Аруз: "асгол" тронулся с той ночи. Зияд киши часто хватался за ногу. Но в другие времена, когда "асгол" двигался, Зияд киши, держась за ногу, в которой застрял "асгол", доставлял весной в этот двор с колхозной конюшни немало навоза; немало деревьев посадил он в этом дворе» (А. Айлисли).

В данном отрывке лексема "асгол" (осколок) находится на уровне СФЕ, потому что, прежде всего, эта указательная лексема взята "на свои плечи" тяжесть семантической нагрузки, во – вторых, автор сам поставил ее над другими лексемами, взяв ее в кавычки. К тому же эта указательность («Сердце Аруз немного успокоилось из–за "асгол"а...») является основой для последующего текста, т.е. раскрытие содержания происходит, вращаясь вокруг этого слова. И как конкативный элемент, эта лексема обладает способностью очертить окружность своего фокуса, причем центр этого фокуса приходится именно на код лексемы "асгол". Предложение за предложением окружность фокуса не только не уменьшается, но, напротив, расширяется к правому краю, обретает эллиптическую форму и распространяется на весь текст: «Этот "асгол" недаром вспомнился старушке Аруз...»

Таким образом, мы раскрыли направление функциональной задачи этой лексемы, как конкретной синтаксической единицы. Так в чем же заключается абстрактность, опираясь на которую, мы стараемся доказать сверхфразовость этой единицы? Прежде всего необходимо выявить, имеет или нет эта лексема подстрочный смысл. Известно, что в народе "асгол"ом называется застрявший в теле осколок пули. Одно это слово достаточно для того, чтобы уяснить, что человек, к которому оно применяется, был когда – то участником войны. Это слово невольно напоминает о войне, о схватках, ранах, боли, которая по временам дает о себе знать. Вот отсюда и возникает абстрактность этого квантора. Если пойти еще дальше, можно сказать, что параллельно нижнему слою семантической значимости общей семантики текста формируется другая сюжетная линия. Выясняется и то, что момент использования с точки зрения ситуации - контекста своей транзитивностью помогает раскрытию событий. Вообще – то, каждая лексема (как и синтагма) обладает своей направленной позицией употребления. И самое интересное то, что в противовес вышеописанному распространене-

нию окружности фокуса, в функции этой единицы входит и наличие лаконичности сужения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Иванова-Лукиянова Г.И. Суперсегментная фонетика в функционально-стилистическом аспекте: Грамматические исследования функционально-стилистический аспект, суперсегментная фонетика: Морфологическая семантика, М.: Наука, 1989, стр.23.
2. Современный татарский литературный язык. М.: Высшая школа, 1982, стр.120.
3. Мучик Б.С. Человек и текст. М.: Книга, 1985, стр.45.
4. Гальперин. И.П. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981, стр.85.
5. Петренко В.Ф., Тепляков Н.Н. Психосемантический анализ воздействия газетной публицистики: Оптимизация речевого воздействия, М.: Наука, 1990, стр.12.
6. Ландау Л.Д., Лифшид Е.М. Квантовая механика. Нерелятивистическая теория. М.: Наука, 1989, стр.24.
7. Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. М.: Высшая школа, 1982, стр.216.
8. Фридман Л.Г. Грамматические проблемы лингвистики текста. МГУ-1984, стр.91.
9. Зинченко А. Миры сознания и структура сознания: Вопросы психологии. 1991, стр.14.
10. Тураева З.Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное. М.: Высшая школа, 1979, стр.120.
11. Мамчур Е.А., Овчинников Н.Ф., Уйемов А.И. Принцип простоты и меры сюжетности. М.: Наука, 1989, стр.29.
12. Гегель Г.Ф. Работы разных лет. М.: 1970, стр.73.
13. Горский Д.П. Познание проблемы отождествления нетождественного; Творческая природа научного познания, М.: Наука, 1984, стр.67.

FRAZAFÖVQÜ VAHİDLƏRİN ƏSAS TEZİSLƏRİ

QƏNİRƏ M.BƏYZADƏ

XÜLASƏ

Frazafövqü vahidin abstrakt konkret vahid kimi lexsemin araşdırılmasında bir neçə baxış prizmasından çıxış etməli olduq. Belə ki, lexsemin konkret bir vahid kimi təzahürü bu vaxta qədər dilçilik ədəbiyyatında hərtərəfli tədqiqata cəlb olunmuşdu. Bizim araşdırmamızda lexsem abstrakt bir vahid kimi əsasən mətnaltı məna ön plana çəkilmişdir. Bununla belə onun abstraksiya dərəcəsinin alt qatı bir neçə aspektdən araşdırılaraq ənənəvi tədqiqin əldə etdiyi nəticəni dərinləşdirməklə yanaşı, yeni-yeni funksiya və xüsusiyyətlərini göstərə bildik.

Abstraksiya dərəcəsi kimi frazafövqü vahidin təzahür olunma planı həm mətnaltı mənada, həm funksional-situasiya baxımından araşdırılan kvantorun əsas keyfiyyəti, həm də bu keyfiyyətin semantik yayım orbitində dəfələrlə abstraktlaşma planının geniş fakt qarşısında olduğunun təsdiqini verə bildik.

Belə ki, Azərbaycan dil faktının geniş imkanı bizim əsas məqsədimizin əhatəli yerinə yetirilməsinə səbəb oldu.

KEY THESES OF SUPER-PHRASAL UNITS

GANIRA M.BAYZADE

SUMMARY

Thus, we have revealed functional designation of the lexeme being the concrete syntactic unit, and of what consists its abstractness we could lean upon for proving existence of such unit. We have to prove the fact of subtextual meaning presence in this lexeme being abstraction executor of conversation: “asgol” is naming of bullet splitter which remain inside body among the people, and it’s enough to say that by remembering the fact of being man, to whom it’s related, a participator of war, we become for a moment witnesses of battle scene, at the same time we’re learning about his wounding, aching the wounded place despite passing many years, namely hence abstractness of the quantor becomes rather definite. For giving more complete idea about the example under consideration we should point out that there is real factorization of the lower layer of semantic value in text’s general semantics and paralleled another topic line “under veil”. It has been also revealed that from situation- contextual viewpoint by its transitivity use moment favours disclosure of developments. Generally, every lexeme has its own designation. And the most interesting is the fact that unlike spreading of the above-mentioned focus range, laconicness of pressure also is function of the unit.